

мира и тишины хотелось, поотаму-то застенчиво
радость и вера в суровых глазах Григория, взгляд вокруг
на лошадей, на козлую обтянутую тулупами семью отъез.
Все наполняло ему полубабитую прелесть нигде и запал
облик от тулупа, и дошедший вид немигущих лошадей,
и какой-нибудь пестик в слове, горланящий с погребом.
Сладка и уютна, как земля, казалась ему в это время
жизнь тут, в тушине.

На другой день перед вечером поехал к хутору.
Григорий с вьюра кинул взгляд за дом. Вон баба сидит, отпи-
вая собачьим шепотом камалла, вон суфой топает, а переезд че-
рез дом уже не тут, где был раньше. Хутор, знаменитый квадратом
квартир, церковь, пилорама, — криво кинулась ему в голову, когда
капал глазами на свой курень. Золотились наверху его.
С бага парящая комодная муравья, словно клекал ват-
ку вверх серую вербовую руку.

— Не шумит глаза? — ухмылялся Пантелей Прокофьевич,
оглядываясь и Григорий не шутя и не кривя душой соглашался.

— Шумит, да шло как.

— Что значит — шумит. — удовлетворенно вздохнул Панте-
лей Прокофьевич.

Он правил на средину хутора. Лошади резко бегали с гора,
сами шло под раскат, вылез из оторока в отороку. Григорий
отгадал отцовский записки, но все же спросил:

— то сево-и правили в хутор? Верни к своему прокулу.

— Кесе... — (Пантелей Прокофьевич, поворачиваясь и ухмыляясь
в заливистую борода, мигнул: — Вановой на войну провонна
родовыми казаками, а валились в охоты. Что и, а
ли не гордо прокатить сина по хутору? Пущай глядят
и завидуют. А у меня, брат, сердце маслом обливается!

На главной улице он сдержанно прикинул на лошадей,
сворачивая на вон подал махоратный курень и лошадю,
чужданный дом, словно и не лет сзади тушь в это серое время —
попыли светом, и шло. Потрясающе казаки кланялись, ^{с вьюра} ~~с вьюра~~
из-за ^{курицы} окон, из-под ладоней глядели баба, герц уличу, курящая, перека-
ти-полем катились катра. Все шло гладко, как по писанному,
поехали пилорама, конь Григорий поносил глазами на что-то
привыкнув к моховому забору лошади, заржал и высоко по-
нес голову. Завидывая коню хутора, краем астафьевского куреня,
но тут-то на первом перекрестке случилось нежданное: по-
сенок, бегавший герц уличу, замечкался, попал под копыта
лошадей, хрюкнул и откатился раздвоенной, повизгивая